

Я расскажу тебе сказку. Это враньё, что сказки нужны только детям. Усталым душам они нужны ещё больше – а кто из нас не устал? Сегодня твои плечи поникли и нет сил их поднять – пусть так! Тебе незачем быть сильным в этот вечер.

Ты согласно киваешь, плохо соображая, о чём я вообще говорю, и кладёшь потяжелевшую голову мне на колени. Я задумчиво перебираю твои волосы – они рассыпаются в пальцах, как песок, как вода, как само время...

Сколько нам с тобой осталось – вместе и по отдельности? Я едва вернулась с похорон, как уже пора справлять день рождения... Сколько секунд и дней ещё у меня в мешочке Ёжика за спиной? Сколько – в твоём?.. Нам кажется, что в мешочке никогда не покажется дно, но это иллюзия...

Ты спишь. Пусть так! Сегодня тебе как никогда нужен отдых.

Я бережно, почти невесомо касаюсь кончиками пальцев твоего лица. Спи. Я навею тебе добрый сон... Я расскажу тебе сказку. Про время.

* * *

Время когда-то жил на вершине самой высокой горы, в самом роскошном дворце, какого не было у великих царей прошлого и настоящего – и вряд ли будет в будущем. Но ему наскучил

дворцовый блеск, и он перебрался в простую хижину, с трудом дававшую укрытие от ветра и холода. Из прошлого великолепия он прихватил лишь золотые, инкрустированные бриллиантами часы на цепочке. Бриллиантов такой редкой, филигранной огранки насчитывалось на Земле всего несколько штук. Этих камней не касалась рука ювелира – за тысячелетия их отполировала сама планета.

99

И вот часы небрежно брошены на войлочную циновку, местами потёршуюся, а хозяин лишь изредка посматривает на них – когда возвращается домой из своих путешествий. Так он быстрее вспоминает, на каком временном отрезке находится в данный момент.

Подружка Смерть, частенько заходившая к Времени на чай, подтрунивала:

– Что это ты в эдакую халупу решил переехать? Сменил шило на мыло, нечего сказать! Может, тебе на развалинах местечко тёплое показать? Поближе ко мне переберёшься...

– Не-а, – ответил Время, позёвывая, – у тебя такого чая нет...

Смерть возмущённо хлопнула себя по коленям:

– Эдакого поклёпа на меня давно не возводили! Да у меня под боком лучшие сорта чая, их по всему миру развозят! Что бы ты понимал!..

– Сорта-то лучшие, – согласился Время, подвигая к собеседнице вазочку со свежайшим печеньем. – Только чёрные. А я люблю зелёный чай. С жасмином... – И он мечтательно прикрыл глаза, вытянув к очагу длинные ноги.

Смерть обитала в развалинах древнего города, от которого остались одни полуразрушенные остовы. Её забавляли макаки, прыгавшие по обвалившимся руинам лианам, и королевские кобры, свивавшие гнёзда в тёмных подземельях, куда не проникал дневной свет. Горе искателям сокровищ, забредавшим сюда! Смерть смеялась: «Они сами торопятся ко мне в гости! Как это мило с их стороны! Обычно за работой приходится тащиться к чёрту на кулички...»

Правда, однажды появились люди, у которых в руках вместо верёвок и кинжалов были пистолеты. Они перестреляли королевских кобр и добрались до сундуков с подземными богатствами. Смерть, огорчённая потерей любимиц, пристроилась рядом, невидимая, и недобро наблюдала за людьми. Возможно, будь искатели в трезвом уме, они бы почувствовали её холодное дыхание и убрались восвояси, но золото затуманило разум. Начались споры, кому больше, и очень скоро пятеро лежали на сокровищах в кровавой луже. Шестой, раненый, жадничавший меньше других, с трудом поднялся – и увидел лик Смерти во всей её жуткой красе. Одно мгновение, но ему хватило.

После этого люди долго там не появлялись, чем Смерть была весьма довольна. «Нет худа без добра», – вновь и вновь повторяла она любимую поговорку. Правда, ей пришлось зайти к сестре и попросить у той парочку королевских кобр – уж больно ей нравилось их шипение, как той – пение соловья или мурчание котёнка. «Каждому своё», – философски рассудила Смерть, на что Жизнь пренебрежительно скривила личико.

Сёстры, как можно было догадаться, недолюбливали друг друга. Вернее, Жизнь недолюбливала сестру, а та лишь посмеивалась, поправляя капюшон. Без него мало кто выносил прямой взгляд Смерти – он обладал способностью сбрасывать все преграды и мастерски возведённые защиты, обнажая явления до самой сути.

...Бульканье, шипение и доносившийся запах дыма нарушили идиллию чаепития.

– Эй, Время! У тебя уже весь кипяток выкипел, вернись на грешную землю! – Смерть прищёлкнула костлявыми пальцами у хозяина перед носом.

Тот вскочил, чуть не запутавшись в собственных ногах, и заозирался. Уловив проблему, принялся ворошить задымившие дрова и заново набирать чайник.

– О чём ты эдак призадумался? – водрузив подбородок на сжатые замком руки, спросила Смерть. – Не поделишься со старой подругой?

Время методично набивал фарфоровый чайник заваркой. Она уже сыпалась из носика, но сильные пальцы продолжали крошить ароматные листья вперемешку с белыми лепестками.

Когда листья встали горкой и очередной лепесток просто скатился с неё на стол, Смерть не выдержала и перехватила запястье Времени. А свободной рукой откинула капюшон.

– А? Что?!.. – немедленноотреагировал хозяин, одновременно утрамбовывая заварку и старательно пряча взгляд. – И ничего ты не старая, я тебя ещё вот такой помню... Да нацепи ты уже обратно эту тряпку! – взорвался Время.

Смерть, грустно усмехнувшись, тихо пробормотала: «И ты, Брут!..», но собеседник, поглощённый своими переживаниями, её не услышал.

Плюхнувшись обратно в плетёное кресло, Время кинул косою взгляд на Смерть – убедиться, что та натянула капюшон, и без предисловий заявил:

– Я полюбил твою сестру, Жизнь. И не нахожу больше покоя ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

Жизнь устроилась на океанском дне, облюбовав уютный грот. На сторонний взгляд, в нём было тесновато, но Жизнь редко прислушивалась к сторонним мнениям. За нелёгкий характер не раз её называли тяжёлой, дрянной, невыносимой, куда реже – чудом и даром небес.

Под водой она свободно дышала, отрастив жабры. Хвост на манер русалок отрацивать не стала, поскольку частенько выбиралась на сушу и подолгу там находилась. Работы всегда хватало: посадить рано выпавшего из гнезда птенца, расчистить пересохшее русло ручья, на минуту обнять брошенного ребёнка – и пусть он ничего не увидит, тёплое её дыхание согреет ему сердце, красной нитью отзываясь сквозь годы.

Глядя на Жизнь, никогда нельзя было определить её возраст. Молодые глаза порой темнели, как грозовое небо, и вот уже древняя мудрость плескалась в них, как вино в кубке, лучась терпением и пониманием. А прочтётся весенний ветерок – и зажжётся в очах неукротимый огонь странствий и приключений, великих свершений и великой любви...

Не сказать, чтоб она была красавицей. Хоть и в уродины её записывают – самому надо уродом быть. Было в ней невозможное, не поддающееся словам очарование, что заставляло к ней возвращаться снова и снова – даже когда казалось, что уж лучше в лапы к Смерти.

И немудрено, что Время, помнивший Жизнь с её появления на свет и всё это время за ней наблюдавший, понял, что отвести от неё глаза – выше его сил...

Смерть никак не отреагировала на признание Времени. А тот, воодушевлённый молчаливой готовностью выслушать, продолжал:

– Я пленен её красотой, её душой. Очарован улыбкой, хоть порой за ней кроется невысказанная грусть. Ах, как бы я мечтал баюкать Жизнь на руках, словно долгожданного ребёнка, оградить от всякого зла и не позволить даже малейшей слезинке омрачить её лицо!.. Но это лишило бы Жизнь игры красок и той лёгкости, что ей присущи. Я не хочу упрятать её под стеклянный колпак – она там зачахнет, как любимые ею розы...

Я любовался Жизнью не одно столетие, – продолжал Время, откинувшись в кресле. – Считал это блажью – ведь мы слишком разные... Но горы крошатся, моря высыхают, города людские растут вширь и ввысь, а сердце моё не умолкает. Даже путешествия потеряли для меня всякий смысл.

Время умолк. Слышалось лишь его тихое дыхание да негромкое тиканье золотых часов. Смерть потянулась за призывно выглядывающей из вазы печенькой. Та надломилась у неё в руке и двумя половинками упала на стол – настолько была свежая и рассыпчатая.

Время проследил за крошками печальным взглядом.

– В этом и беда, – молвил он. – Моё дыхание не сравнить даже с твоим... Раньше мнилось, это дар – властвовать над живой и неживой материей. Теперь кажется, что на плечах моих лежит проклятие.

Он протянул руку к белоснежным цветам в вазе и что-то негромко сказал. Те пожелтели, потом почернели, скукожились, опали сеной трухой, и, наконец, сама труха обратилась в пыль.

Хозяин встал и, резко отодвинув кресло, вышел из дома.

Смерть осталась сидеть, не меняя позы, и смотреть на раскрошившуюся печенюшку столь пристально, словно та заключала в себе все тайны мироздания.

Кто знает, может, так оно и было.

Время шёл по крутой горной тропе, почти исчезнувшей за нагромождением камней. Высота была такая, что дух захватывало. Казалось, под ногами расстелили цветной платок, и стремительная горная река превратилась в синюю ленточку, забытую рассеянной девчушкой на прогулке.

Погружённый в свои мысли, меньше всего ожидавший кого-то здесь встретить, на всём ходу он свернул за каменную глыбу, напоминавшую изваяние древнего божка, и столкнулся с Жизнью.

Та от неожиданности взвизгнула, потеряла равновесие и полетела вниз.

Время с расширившимися глазами вытянул руку, и время остановилось. Качнувшиеся от ветра ветки низеньких кустов замерли, наклонившись в подветренную сторону. Облака застыли на месте. Покатившийся было из-под ног Времени камешек завис в воздухе.

...Такое же безвременье царило и в его домике, а до того – во дворце. Иначе он не смог бы пользоваться окружающими предметами. А слабости у Времени были вполне себе предметные – выпить дымящуюся чашечку чая, посидеть в кресле у очага с хорошей книгой, заложить крутой вираж на лихом автомобиле...

Жизнь меж тем аккуратно отцепила юбки от вытянувшегося куста, подхватившего её в полёте, и удивлённо сказала:

– Спасибо, конечно... Но я в состоянии о себе позаботиться.

– Инстинкты сильнее разума, – буркнул Время, что-то добавил себе под нос – и освобождённый камешек помчался навстречу синей ленте.

Не оглядываясь, Время зашагал дальше, убыстряя шаг, хотя местность очень этому не способствовала.

Жизнь недоумённо проводила его взглядом, потом ухватилась за ближайший выступ и с лёг-

костью горной козы принялась карабкаться вверх. Там, под самыми облаками, у орла с орлицей никак не выводились орлята. Непорядок! Надо исправить...

Высоко-высоко в горах, куда не долетает и орёл, где клубится вечный туман, и потому пилоты стараются обходить в маршрутах этот участок, из снега и льда выстроена пещера. Там обитает Вечность.

Нечасто застанешь её дома – любит она улетать в Космос. Там зайдёт к знакомой планете новыми кольцами полюбоваться, тут заболтается со звездой – а глядишь, за это время звезда уж вокруг оси своей обернулась...

В этот раз Времени повезло: он застал Вечность дома. Та перекачивала в ладонях льдинки, и они не таяли. Вечность любила холод: он напоминал ей о Космосе. Ведь она родилась среди бескрайних вселенских просторов...

– Заходи, Кай, – чуть улыбнулась хозяйка, – гостем будешь.

– Без Герды, – грустно улыбнулся в ответ Время.

Когда-то он пересказал Вечности полюбившуюся сказку, и с тех пор она звала его не иначе как по имени героя. А себя порой величала Снежной Королевой.

Вечность вскинула бровь, наклонив голову набок.

– Я люблю твою дочь, – без обиняков сказал Время. – И не знаю, что мне делать.

Бровь взлетела ещё выше.

– Старшую, разумеется. – Не вопрос, утверждение. – Мда... хоть бы кто пришёл и сказал: люблю младшую!..

– Святых мало, а дураки тебе вряд ли интересны, – пожал плечами Время.

– Дураки вечны, – усмехнулась Вечность. – По крайней мере, они сами так считают.

– Ты не ответила, – устало перебил её Время, опускаясь прямо на ледяной пол.

– А какого ты хочешь ответа? – удивилась та. – Если тебе приспичило ухаживать за моей дочерью – говори об этом сразу ей.

– Но я же... – Время не договорил, он был сбит с толку: ведь он пришёл не потому, что старомоден и по традиции просит руки дочери у родителей!

– Да. Идеальной парой тебе была бы Смерть, я всегда это говорила. Но когда это молодёжь прислушивалась к голосу разума! Жизнь ярка,

как бабочка, столь же глупа и бесстрашна. При всех её недостатках у неё просто фантастические способности к выживанию... И обаяние, да, с этим не поспоришь. В твоих объятьях она станет прахом... Но рано или поздно эта участь её не минет. Так пусть её полёт бабочки станет счастливым полётом...

Иди к своей Герде, Кай. Она сгорит всё равно. И ты сгоришь – когда-нибудь. Лишь мне вечно складывать из льдинок и планет собственное имя...

Глаза Вечности смотрели сквозь Время, не видя его.

...Жизнь наседкой раскинула руки перед кроватку пятилетней девочки. Золотистые локоны разметались по подушке, глаза закрыты, кожа бледная. Медицинские приборы, присосавшиеся к груди, противно попискивали. Рядом сидела молодая женщина с красными от недосыпа, но сухими глазами. Спина её на казённой табуретке держалась стрункой, будто на приёме у английской королевы.

– Нет! Ты не должна её забирать! Она такая маленькая и ещё такая невинная!.. Да посмотри только на её мать! Есть у тебя вообще сердце или нет?! – кричала Жизнь на сестру.

Смерть, облокотившись на железное изголовье кровати, привычно огрызалась:

– У меня есть мозги и привычка смотреть вперёд и анализировать! Ты видишь только то, что у тебя под носом. А ты знаешь, что когда она подрастёт, под ангельской внешностью будет стучать насквозь прогнившее сердце, если его сейчас не остановить? Что она убьёт собственную мать, которая вообще-то великолепный художник, и скроется с накопленной суммой денег? А ты знаешь, что её брат после этого окажется в тюрьме, потому что она мастерски подкинет ему все улики?..

Как и всегда в подобных случаях, Жизнь округлила глаза. На мгновение ангельское личико девочки перекопилось мордой чудовища. Но лишь на миг.

Жизнь продолжала вечный спор:

– Это всё будет когда-то, если вообще будет! Ей можно дать шанс, нужно дать шанс! Человеческая душа – великая сила!..

Смерть скривилась:

– Как ты можешь до сих пор верить в человечество! Полистай его историю, если память запорошило – ни дня без убийства и подлости!

Заканчивай демагогию и убирайся – время девочки вышло!

Зазвенело лезвие натачиваемой косы. Приборы тревожно завывали, замигали красным...

Жизнь, в миллионный раз ощутив своё бессилие перед сестрой, разрыдалась, выдохнутой в лицо:

– Будь ты проклята!

Смерть, протирая окровавленное лезвие, в миллионный же раз вздохнула:

– Вот так, делаешь свою работу честь по чести – одни проклятья собираешь...

Человек в белом халате, внезапно прекратив делать непрямой массаж сердца, поднёс к губам девочки зеркальце. То осталось чистым.

...Жизнь шмыгала носом, размазывая по лицу грязные разводы. Ещё одна битва проиграна. Сколько веков они ведут нескончаемую войну с сестрой за души и тела живых существ? Как же это выматывает...

– Не хочешь отправиться со мной в небольшое путешествие? – внезапно раздался голос. – Думаю, тебя это немного утешит.

На открытой ладони Времени, протянутой Жизни, лежал белоснежный носовой платок. Жизнь неловко взяла его. Кое-как протерев лицо, спросила:

– Какое ещё путешествие?

Вместо ответа Время открыл проход в будущее и жестом предложил Жизни пройти первой. Та, оправляя измятую юбку, неверной походкой шагнула в лабиринт Времени.

– Может, хоть он ей мозги вправит, – проворчала Смерть.

Закинув на плечо инструмент, она отправилась домой, к кобрам и обезьянам. На сегодня работа была закончена.

– Направо, да, вот так.

Время вел Жизнь по своим лабиринтам, про себя думая, что не мешало бы тут прибраться, а то пыль столетий по всем углам... Впрочем, спутница меньше всего обращала внимание на отсутствие уборки: чистоплюйкой её было не назвать.

– Сюда.

И они оказались на большой шумной выставке. Проморгавшись после темноты перехода, Жизнь жадно принялась разглядывать картины: все они каждым штрихом, каждым оттенком цвета и изломом линий воспевали её.

Она смогла лишь заворожённо выдохнуть:

– Как же это чудесно!..

К одной картине она никак не могла пододаться: больше всего людей толпилось как раз в этом углу. Когда, наконец, стало свободнее, Жизнь ахнула: на картине была изображена златоволосая девочка. Она бежала по парковой дорожке со всех ног и смеялась. Казалось, рядом раздавался детский смех, стоило взглянуть на её счастливое раздурманившееся лицо, так непохожее на больничную бледность...

И действительно, сквозь гомон взрослой толпы послышался детский смех. Жизнь потрясла головой, но всё же обернулась. И затрясла ещё сильнее: на руках у художницы сидела такая же розовощёкая девочка... Только никак не пяти лет, а едва ли двух-трёх.

– Ты какой травой меня накачал, пыльный мешок! – закричала Жизнь, повернувшись ко Времени и уже занеся ладонь для пощёчины. – Если ты думаешь, что это шутка...

– Ты смотри, – только и ответил Время, отступая в сторону.

И Жизнь смотрела. Как расшумевшегося ребёнка у бабушки забрал отец – высокий парень с подкупающе белозубой улыбкой. Как на них с восхищением смотрела его молодая жена, попутно строя дочери «козу». Как люди подходили один за другим к художнице и улыбались, и плакали, и благодарили, и просили автографы. Как какой-то мужчина долго ждал, пока станет по-свободнее, а потом всё же не утерпел и попросил её оставить свой телефон на его визитке. Тут у него в кармане взвыла сигнализация от машины, и ему пришлось уйти, но Жизнь видела, что на следующий день они поедут в кафе, а через два месяца он скажет, что наконец-то понял, зачем ему трёхкомнатная квартира...

Тут Жизнь что-то щёлкнуло по затылку. Обернувшись, она увидела парящую под потолком умершую девочку. Она раскачивалась на люстре, словно обезьянка, и плевалась косточками от вишни. В основном она целила в маленькую племянницу, которая пыталась косточки поймать, конечно же, безуспешно. Но когда малая заревела с досады, бесплотная девочку вынула из волос цветов и вручила той. А потом выудила из кармана хлопушку и, хорошенько прицелившись в лепнину на потолке, выстрелила.

Разумеется, прозрачного конфетти никто, кроме малой, не видел. Но на душе у собравшихся потеплело, и кто-то прокомментировал одну из картин так: «Кажется, это называется счастье».

Обратная дорога оказалась намного короче. А может, Жизнь просто осмысливала увиденное.

Закрыв лабиринт, Время неловко сказал, за-сунув руки в карманы:

– Как-то так.

– Не всем так везёт, – устало ответила Жизнь. Слишком много эмоций на неё сегодня навалилось.

– Не всем, – согласился Время. – Но у всех есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

– Я домой, – вздохнула Жизнь.

– Я провожу, – откликнулся Время. «На руках бы отнёс...» – подумалось ему.

Шли они молча.

Уже на берегу Жизнь спросила:

– Почему ты только сейчас показал мне всё это? Я бы так не сходила с ума раньше... Я же каждую смерть через себя пропускаю вот здесь. – И она приложила руку к сердцу. – Каждой букашки крохотной, не то что...

«Дурак я потому что», – подумал Время. Вслух же сказал:

– Теперь буду показывать каждый раз. Будем лечить твоё сердце. Не зря же меня зовут лекарем.

Жизнь помолчала, кивнула и без единого всплеска исчезла в пучине океана.

Время долго смотрел на водную гладь. А потом вытянул вперёд ладони, и вода начала спадать, испаряться, туманом подниматься в небо...

На обнажившееся дно он ступил, как приговорённый на раскалённые угли.

...Смерть пнула россыпь ледяных осколков, и они, зазвенев, покатались под ноги блуждавшей в нирване Вечности. Всегда собранная и строгая, с матерью Смерть позволяла себе немного расслабиться.

Поскольку ледяной звон не помог, Смерть с размаху ударила косой о стены пещеры. Звук хлестнул казацкой нагайкой, и Вечность недоброльно открыла глаза.

– Приходит тут с рабочим инструментом, шумит... Никакого понятия о приличиях, – заворчала мать.

– Теперь мне легче стало работать. Сестра начала постигать азы философии, – заявила дочь, поудобнее усаживаясь верхом на ледяной скульптуре оленя и с наслаждением откидывая капюшон. Вечность не пугал взгляд Смерти, она и сама могла напугать любого. – Время всё ещё

не смеет её коснуться – боится, что в его руках Жизнь обратится прахом... Чудной! Что с ней только не делали: жгли, топили, сквозь медные трубы прогоняли, а сестричке и горя нет!

– Бабочка играет с огнём... Знаешь, что-то в этом есть. По крайней мере, это забавное зрелище. В сумерках, с задёрнутыми шторами наблюдать за полётом мотылька вокруг свечи на подоконнике...

– Экая ты стала сентиментальная, – неодобрительно бросила Смерть. – Стареешь?

Вечность улыбнулась краешками губ.

– Это просто сумерки, милая. Ясное утро и светлый день позади. Над Землёй сгущаются сумерки. Но до темноты ещё далеко. До ночи мы ещё не раз сможем любоваться полётом бабочек и колыханием огоньков...

– И сыграть в шахматы, – довольно невежливо перебила её Смерть, доставая из-за пазухи коробку с фигурами. Доска давно была расчерчена на ледяном полу.

Вечность оживилась, подвигаясь ближе.

– Когда-нибудь, – бормотала Смерть, разводя пешек и королей по местам, – когда-нибудь я выйду на пенсию, отдам косу на переплавку, и о былых временах будет напоминать только эта вечная игра...

101

* * *

Вот такая вышла сказка. Где-то смешная, где-то не очень. Надеюсь, тебе снился под неё добрый сон...

На твоём лице сейчас такое беззащитное, почти детское выражение. Я ни за что не скажу тебе этого вслух – ты же смертельно обидишься. Но пока ты лежишь у меня на коленях, а мои руки по-прежнему перебирают твои волосы, хотя тело давно уже просит сменить позу – можно...

Это – наше с тобой время. Наши с тобой жизни, свившиеся – на время ль? на вечность ли? – меж собой. Сколько секунд и дней в мешочке Ёжика, нам не дано знать. Но у нас есть надежда. И возможность делать собственную судьбу.

Ты смешно дёргаешь головой – и открываешь глаза. Сонно спрашиваешь:

– Я спал? Такой сон был забавный...

– Знаю, милый. Я рассказывала тебе сказку.

– Иди ко мне, моя сказочница, – шепчешь ты, и я наконец-то могу с наслаждением потянуться. А потом закрываю глаза.